

В.К.Косс

Я СОГЛАСИЛАСЬ
ТОЛЬКО НА
УЖИН

18+

16+

В.К. Косс

Я согласилась только на ужин

«Автор»

2026

Косс В.

Я согласилась только на ужин / В. Косс — «Автор», 2026

Алиса Громова идет на свидание вслепую и узнает мужчину за столиком. Михаил Корнеев — повар, чей ресторан закрылся вскоре после ее разгромной рецензии. Он тоже ее узнал. Уйти было бы разумно. Они остаются. После неудачного ужина появляются переписка, случайные встречи и желание увидеться снова. Рядом с Михаилом Алисе хочется забыть о работе. Ему хочется верить, что она видит в нем больше, чем чужую ошибку. Но старую статью все еще можно найти, а о самых болезненных вещах они пока не умеют говорить.

Содержание

Глава 1. Я согласилась только на ужин	5
Глава 2. Столик на двоих	9
Глава 3. Счет пополам	13
Глава 4. Чужое пальто	17
Глава 5. Еда в картонной коробке	21
Глава 6. Последний свет	25
Глава 7. Никаких отзывов	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

В.К. Косс

Я согласилась только на ужин

Глава 1. Я согласилась только на ужин

Алиса

В половине восьмого я стояла перед зеркалом в прихожей и пыталась снять с черного платья белую нитку. Нитка держалась так, будто знала: стоит ей сдаться, и мне придется выйти из квартиры.

Телефон завибрировал на тумбочке.

«Ты поехала?»

Даша поставила следом три вопросительных знака. Я сфотографировала себя в зеркале, обрезав тапочки, и отправила снимок. Подруга немедленно позвонила.

— Только не надевай те серьги, в которых ты похожа на человека, пришедшего закрывать предприятие.

Я посмотрела на маленькие серебряные кольца, оставшиеся от бабушки.

— Я согласилась только на ужин. Проверку ювелирных изделий мы не обсуждали.

— Ты согласилась познакомиться с нормальным мужчиной.

— Откуда ты знаешь, что он нормальный?

— Он помог мне перенести холодильник для цветов. Не разбил, не рассказывал, как мне следует вести дело, и не попросил потом скидку на розы.

Для Даши это действительно был перечень серьезных достоинств. Ее бывший муж после развода еще год забирал из мастерской цветы к каждому празднику, называя это разделом совместно нажитого имущества.

— Он знает, чем я занимаюсь?

— Знает, что ты пишешь для журнала. Алиса, пожалуйста. Человек идет поужинать. Ему не нужна твоя трудовая книжка.

Я хотела сказать, что иногда нужна. Один мужчина полгода назад, узнав о моей работе, с такой готовностью принялся перечислять любимые заведения, что к концу вечера стало ясно: он рассчитывает открыть мне гастрономический мир, о котором я пишу двенадцать лет. Другой попросил устроить бесплатную дегустацию для его сестры. Но Даша сегодня с пяти утра принимала поставку тюльпанов. Мои возражения были слабее ее усталости.

— Хорошо. Я выхожу.

— Ты же не надела каблуки? Там скользко.

— Даш.

— Все, молчу. Напиши потом.

После звонка в квартире стало особенно тихо. Я вынула из ушей серьги, подержала в ладони и надела обратно. До вечера понедельника мне не нужно было сдавать ни одного текста. В холодильнике стояла банка оливок, на которую я рассчитывала в случае провала свидания. Никакого веского основания остаться дома не находилось.

Днем я была в новом кафе рядом с редакцией. Не по работе, просто поесть между встречами. Заказала суп, села у стены, открыла рабочую переписку. Через минуту ко мне подошла управляющая. Узнала, конечно.

— Алиса, здравствуйте. Мы вам от шефа кое-что приготовили.

Я подняла глаза на маленькую тарелку с закуской, которую уже ставили передо мной.

— Спасибо. Но мне только суп. Я не работаю сегодня.

— Это просто комплимент. Мы рады вас видеть.

Официант стоял рядом и ждал, когда сможет освободить руки. Отказ начинал выглядеть капризом перед человеком, который вообще ни при чем. Я поблагодарила еще раз, попросила включить закуску в счет. Управляющая засмеялась: да зачем, никто же не заставляет писать. Я тоже улыбнулась, чувствуя, как под улыбкой появляется усталость.

— Мне так удобнее, — сказала я.

Она наконец согласилась. Суп оказался хорошим. Закуска тоже. Я съела, расплатилась, пошла в редакцию. Там Антон, увидев мое лицо, спросил, кто обидел. Я рассказала. Он пожал плечами:

— Ты же сама говоришь, что это не покупка отзыва. Можно иногда просто принять еду.

— Можно. Только потом человек может по-другому помнить, что именно он дал и что ожидал.

— А может, и не помнить.

— Да. Я не знаю заранее.

Он кивнул и предложил половину своего бутерброда. Совершенно бесплатно, без будущих публикаций. Я засмеялась, отказалась, потому что уже поела.

Эта история почему-то весь день оставалась со мной. Я устала от собственного внимательного выражения, от необходимости помнить, где я гость, где автор, где человек, которому просто принесли лишнюю тарелку. Наверное, поэтому на Дашино предложение я в конце концов ответила согласием. Она не обещала мне ни полезного знакомства, ни хорошего материала. Просто Михаил, сорок лет. Умеет носить холодильники. Не женат. Можно поговорить о чем-нибудь, что не попадет в понедельник в редакционную таблицу.

Я уже взялась закрывать дверь и проверила ключи. Забыла: они остались на тумбочке, под телефоном. Пришлось вернуться в прихожую. Уже на лестнице я решила, что это дурной знак, потом рассердилась. В тридцать шесть лет пора хотя бы перестать назначать приметы ответственными за чужой характер.

На улице шел мелкий колючий снег. Водитель такси слушал передачу о разведении перепелов и дважды спросил, не холодно ли мне. Я ответила, что нет, и посмотрела на свое отражение в окне. Женщина тридцати шести лет, вполне способная пережить ужин с незнакомым человеком. Даша говорила: Михаил, сорок, свое дело, сейчас непростой период. О последнем я запретила ей рассказывать. Мне хватало людей, которым требовалось какое-нибудь мое полезное качество. Хотелось хотя бы однажды прийти без предварительной заявки на понимание.

У «Трех окон» горела только одна буква в вывеске. Это меня успокоило. В слишком безупречных заведениях на первом свидании чувствуешь, что обязана соответствовать хотя бы скатерти.

Дверь поддалась не сразу. Внутри пахло мокрой шерстью, хлебом и цедрой. Гардеробщица дала мне номерок и осторожно сняла с плеч серое пальто.

— Вас уже ждут, — сказала она и показала в глубину зала.

У дальней стены сидел мужчина в темном свитере. Костяшками пальцев он придерживал стакан с водой, другой рукой расправлял угол бумажной салфетки. Перед ним не было ни телефона, ни меню. Увидев меня, он перестал трогать салфетку.

Я узнала его еще из прохода.

Он положил руки на стол: большие ладони, короткие ногти, бледный шрам у большого пальца. Я вспомнила фотографию из рабочего архива. На снимке мужчина стоял перед открытой кухней, опираясь на стол, а позади него в стекле отражалось название: «Соль».

Михаил Корнеев.

Я остановилась так резко, что официантка, шедшая сзади, едва не уперлась в меня подносом.

— Извините.

Михаил встал. Он был выше, чем казался на фотографии, немного сутулился, будто привык слушать тех, кто ниже ростом. Темные волосы у висков начали седесть. Лицо усталое, довольно красивое — это я отметила автоматически и тут же рассердилась на себя.

— Алиса?

Он смотрел на меня так, что представляться уже не требовалось.

— Вы знали?

— Секунд тридцать.

— Даша не сказала фамилию?

— Сказала, что ее подруга пишет про город. У нее много друзей.

Мы посмотрели друг на друга. В нашем издании не печатали портреты авторов под каждой статьей, но на странице редакции мой снимок висел лет пять. Ничего удивительного, что он меня узнал. Удивительно было, что за все месяцы, пока я вспоминала закрывшуюся «Соль», я ни разу всерьез не представила подобной встречи.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала я.

Михаил чуть отодвинул стул, освобождая проход, хотя я все еще стояла в двух шагах от столика.

— Конечно.

Ни упрека, ни попытки задержать. От этого стало хуже.

— Это нелепая случайность.

— Вижу.

— Я не просила Дашу нас знакомить.

— Я тоже не просил знакомить меня именно с вами.

Официантка положила на стол второе меню. Молодая, со следами зимнего румянца на щеках, она переводила взгляд с меня на Михаила, стараясь понять, пора ли спасать вечер.

— Может быть, пока воды? — предложила она.

— Мне негазированной, пожалуйста, — ответила я и сама удивилась.

Михаил посмотрел на стул, потом снова на меня.

— Вы все-таки останетесь?

Было бы легко объяснить это гордостью. На самом деле после обеда прошло больше шести часов. Я снова была голодна, хотя по дороге уверяла себя, что вполне обойдусь чаем. В теплой комнате пахло хлебом. Возвращаться домой с ощущением, что я не выдержала даже нескольких минут рядом с человеком, о котором судила так уверенно, тоже не хотелось.

Я села.

— Поужинаем. Уже пришли.

Он опустил ладони на колени. По тому, как осторожно Михаил положил ладони на колени, я поняла: за столом он оставался с не меньшим усилием.

В меню было немного позиций. Я читала их медленно, занимая глаза. Треска с пореем, говяжьи щеки, свекла, паста с уткой. Под ценами карандашом кто-то приписал сегодняшний суп. Страницу не успели перепечатать, и цену супа указали прямо на полях. Мне нравились такие мелочи. Сейчас я не хотела ничего оценивать.

— Вы здесь раньше были? — спросил он.

— Да. Года полтора назад.

— Писали?

— Нет.

Он кивнул. Я услышала, как за соседним столом смеется женщина, и позавидовала ей с почти детской обидой. Она могла просто смеяться. Ей не нужно было думать, как попросить соль у человека, который ее ненавидит.

— Даша рассказала вам обо мне что-нибудь, кроме работы? — спросил Михаил.

— Что вы перенесли холодильник.

Впервые за вечер его лицо изменилось. Не улыбка еще, скорее удивление.

— Вдвоем с грузчиком. Там был отличный грузчик. Незаслуженно вычеркнут из этой истории.

Я засмеялась коротко и не вовремя. Михаил тоже почти улыбнулся. На секунду между нами возникло что-то обычное, и я с неожиданной силой захотела его удержать.

— Про меня что-нибудь хорошее сказали?

— Что вы умеете слушать.

Я опустила меню.

— Это неправда. Она путает с тем, что я потом все помню.

Он смотрел уже прямо, не пряча глаз. Взгляд у него был серый, внимательный и тяжелый только потому, что я знала причину тяжести.

— Это я заметил.

Подошла официантка. Мы заказали: я треску, он щеки, хлеб на двоих. От вина отказались почти одновременно, и эта ненужная согласованность опять меня задела.

Когда девушка ушла, Михаил вынул из-под салфетки маленькую карточку. Я сначала подумала, что это визитка. Оказалось, буклет выездного кейтеринга, сложенный пополам; он убрал его в карман, слишком поздно спохватившись.

— У вас мероприятие было? — спросила я.

— Будет завтра.

— Большое?

— Четырнадцать человек.

— Это много?

— Для двух рук достаточно.

Он посмотрел на свои пальцы, и я тоже. Шрам был настоящий, неровный, чуть розовевший по краю. На фотографии его почти не было видно.

— Вы можете спросить, — сказал Михаил.

Я подняла глаза.

— О чем?

— Почему я сижу здесь. Не ушел, когда вас увидел.

— Почему?

Он помолчал, глядя мимо меня на зимнее окно.

— Тоже хотел нормально поужинать.

Я почувствовала, как неприятно сжалось горло. Я ведь тоже хотела только посидеть с кем-нибудь, поговорить без пользы для дела. Даже обидеться на него толком не получалось.

Нам принесли хлеб. Михаил отломил кусок, но есть не стал.

— Только об одном попрошу, — сказал он. — Не нужно завтра описывать эту встречу.

— Я не собиралась.

— Хорошо.

Я могла бы обидеться на само предположение. Вместо этого взяла хлеб и наконец ощутила голод.

Официантка вернулась с маслом и спросила, не принести ли еще воды. Я ответила за обоих. Михаил молча подвинул к ней свой пустой стакан.

Глава 2. Столик на двоих

Алиса

Первые десять минут мы обсуждали Дашу. Выяснилось, она и Михаил снимали помещения в одном дворе: ее цветочная мастерская располагалась в пристройке к дому, где находилась «Соль». Когда ресторан закрыли, она помогла найти покупателей на часть мебели. Он, в свою очередь, сохранил ее цветы после аварии с электричеством — договорился о холодильнике у знакомого кондитера.

— Она никогда не говорила, что вы друзья, — заметила я.

— Мы не то чтобы друзья. Соседи. Она часто кормила меня сырниками, когда я забывал поесть.

— Вас приходилось кормить?

— А стоматологи сами себе зубы лечат?

Он сказал это без колкости. Я улыбнулась и почувствовала, что платье, выбранное для чужого благополучного мужчины, неприятно давит под грудью. За соседним столом мальчик в нарядном жилете пытался поймать ложкой оливку. У него не получалось; отец терпеливо придерживал тарелку. Я смотрела на них чуть дольше, чем следовало.

— Дети есть? — спросил Михаил.

— Нет. У вас?

— Нет.

— Даша, наверное, заранее проверяла.

— Меня она спросила, не женат ли я. Сказала, что это важнее вкуса в кино.

Официантка принесла горячее. Моя рыба была красивой, с тонким поджаренным краем. Я автоматически заметила воду возле порея и придерживала вилку, будто меня поймали за неприличным занятием.

Михаил посмотрел на мою тарелку.

— Не помогает? Отпуск от работы.

— Иногда. Если очень голодная.

— Тогда ешьте.

Я поддела кусочек. Рыба оказалась теплой, не горячей. Порей слегка волокнистым. Ничего ужасного; ничего, за что требовалось казнить повара или вечер. Я прожевала и сделала глоток воды.

— Как?

— Вы хотите правду или светский ответ?

Он положил вилку.

— Вот это у вас в каждой беседе?

— Что именно?

— Предупреждение, что сейчас будет больно, зато честно.

Я замерла. В его голосе не было злости, и от этого вопрос оказался неприятнее.

— Это не предупреждение. Я спросила, интересно ли вам.

— Я спросил, вкусно ли.

— Достаточно вкусно, чтобы я доела.

Михаил кивнул и занялся своими щеками. Несколько минут мы ели молча. Я пыталась вспомнить, когда в последний раз отвечала на простой вопрос без внутренней подготовки формулировки. С Павлом все разговоры к концу наших отношений превратились в отредактиро-

ванные сообщения: он говорил осторожно, я остроумно, после чего мы занимались каждый своим делом, вполне довольные собственной вежливостью.

— А вам? — спросила я.

— Мясо хорошее. Соус пересолен.

— Вы же тоже оцениваете.

— Конечно. Я просто не объявляю это отдельной услугой.

Я почувствовала, как у меня нагреваются уши. Хотелось положить салфетку, оплатить свою еду и прекратить этот опыт. Вместо этого я спросила:

— Вы хотите поговорить о статье?

Он не ответил сразу. Провел большим пальцем по ободку стакана и отодвинул его.

— Нет.

— Мы уже говорим о ней, только обходим название.

— Вам будет легче, если я признаюсь, что перечитывал?

— Мне вообще не легче.

Михаил усмехнулся. Улыбка вышла такой усталой, что я пожалела о вопросе.

— «Хозяин этого места, кажется, слишком доволен собой, чтобы заметить посетителя».

Это же вы написали?

Слова прозвучали чужими. На экране они были плавными, удачно завершали абзац; я помнила, как убрала перед ними длинное объяснение про двадцать минут ожидания.

— Я написала «собственным замыслом».

Он посмотрел на меня, и я сразу поняла, что сделала.

— Извините. Это несущественно.

— Да нет, существенно. Точность важна.

Пальцы на его правой руке сжались. Он не повышал голос. Официантка, проходившая мимо, даже улыбнулась нам, увидев, что мы наконец разговариваем.

— Меня не было в ресторане в тот вечер, — сказал Михаил.

— Я знаю. Мне сказали, что шеф отсутствует.

— Но вы все равно решили, что я доволен собой.

Я посмотрела на свою рыбу. Есть больше не хотелось, хотя прошло всего несколько минут.

— Посетитель приходит в ваш ресторан. Не к вашей биографии. Я ждала сорок три минуты, официант принес остывшее блюдо и сказал, что оно таким задумано. Менеджер предложил заказать другое. За отдельные деньги.

— Я читал.

— Там были еще люди. Супружеская пара у окна. Женщина за весь вечер так ничего и не съела: у нее была аллергия, о которой она предупредила при заказе. Ей трижды принесли то, чего она не могла есть.

Михаил закрыл глаза на секунду. Когда открыл, мне уже не хотелось договаривать.

— Я все это разбирал потом. С каждым.

— Значит, я не выдумала.

— Я не говорил, что вы выдумали.

— Тогда что вы хотите от меня услышать?

Вопрос получился слишком быстрым. В нем слышалось раздражение человека, которого отвлекли от доказанного факта. Я знала этот тон по редакционным спорам и не успела остановиться.

Михаил посмотрел на меня внимательно.

— Сегодня? Ничего. Я сюда не за этим пришел.

Я отложила вилку. У него под рукавом виднелся ожог — тонкая темная полоска, свежая. Обычно я спросила бы, откуда ожог, записала ответ. Сейчас хотелось посоветовать мазь, но я промолчала: этого еще не хватало.

— Фраза про хозяина была лишней, — сказала я.

Он не шелохнулся.

— Вы не обязаны сейчас извиняться, потому что нас посадили за один стол.

— Я не извиняюсь за весь текст. Я говорю об одной фразе.

— Понятно.

Именно это «понятно» оборвало мой порыв объяснить подробнее. Мне показалось, он уже решил, что это дешевая попытка сделать вечер терпимым. Может быть, отчасти так и было. Я опустила глаза и отрезала еще кусок рыбы.

— Почему вы не ответили? — спросила через некоторое время. — В редакцию. Мы публикуем ответы заведений.

— У меня был черновик.

— И?

— Очень длинный. С жалобами на жизнь. Перечитал и удалил.

Он сказал это негромко, без приглашения расспрашивать. Я все-таки спросила, закрылся ли ресторан сразу после рецензии.

— Через пять недель.

— Мне жаль.

— Вам жаль, что он закрылся, или что вы узнали человека?

Я вскинула голову. За нашим столом опять стало тесно, хотя никто не придвинулся.

— Мне жаль, что люди потеряли работу. А вас я пока не знаю.

— А судить обо мне вам это не помешало.

Я взяла воду, но пить не стала. Его щеки почти остыли, он тоже уже не ел. Странно было видеть на двух тарелках столько хорошей еды, которую мы оставляли из-за разговора о плохой.

— Вы считаете, что мне следовало промолчать?

— Я считаю, что вам следовало написать про рыбу. И про ожидание. Вы написали еще и про меня.

Из кухни донесся грохот, короткое раздраженное восклицание. Михаил машинально повернул голову. Даже здесь, в чужом зале, он прислушивался так, будто должен был встать и разобраться.

Я вспомнила свой вечер в «Соли» с неприятной ясностью. Меня тогда посадили у прохода, рядом с открытой кухней. Я была после разговора с Павлом, который в очередной раз объяснил, что переезжать ко мне пока неразумно. Я ничего не ела с утра и хотела хотя бы за свои деньги получить немного заботы. Официант забыл воду, менеджер говорил снисходительно, соседняя пара шепталась над пустыми тарелками. Я достала телефон и записала первую злую фразу еще до горячего.

Все это не отменяло ни холодной рыбы, ни хамства. Но теперь я видела собственную руку, торопившуюся превратить раздражение в удачный материал.

— Вы правы насчет перехода на личность, — сказала я. — Я сейчас не для примирения. Просто правы.

Он посмотрел на меня, потом кивнул, очень медленно. Я не поняла, принял ли он сказанное.

Официантка подошла убрать тарелки и расстроилась, увидев остатки.

— Вам не понравилось?

— Все хорошо, — ответили мы одновременно.

Девушка растерянно улыбнулась.

— Чай? Десерт?

Я хотела отказаться, но Михаил спросил, есть ли у них черный чай без добавок. Девушка закивала с облегчением.

— На двоих? — уточнила она.

Он посмотрел на меня.

— Да, — сказала я.

Пока девушка несла чай, я сложила салфетку, расправила и снова сложила. Уйти хотелось, но заканчивать вечер именно на этом разговоре — еще меньше.

Чай принесли в тяжелом белом чайнике. Михаил налил сначала мне, не спросив, сколько, и тут же остановился.

— Еще?

Я показала пальцем уровень. Он долил ровно до него.

— Чем вы занимаетесь, когда не работаете? — спросила я.

Он устало потер лоб.

— Сплю. Сейчас главным образом. Иногда смотрю фильмы и засыпаю раньше конца. Это можно назвать увлечением?

— Если делать регулярно.

— А вы?

Я могла бы перечислить выставки, книги, прогулки по городу, которые всегда называла, отвечая на этот вопрос. В действительности последнюю выставку прошла за двадцать минут, думая о недописанном тексте, а на прогулки выходила, чтобы не сидеть одной дома.

— Покупаю чашки, — сказала я. — По одной. Потом выясняется, что они ни с чем не сочетаются.

— Это проблема?

— Для меня нет. Для матери большая.

Он улыбнулся впервые по-настоящему. Улыбка неожиданно сделала его моложе; под левым глазом появилась небольшая складка. Я поймала себя на том, что хочу еще раз ее увидеть, и отвернулась к окну.

Он взглянул на загоровшийся экран телефона. Я успела заметить слово «Папа», потом отвела глаза. Хотела спросить о семье, но побоялась очередного холодного ответа. Вместо этого собралась рассказать о Дашином коте: он недавно съел ленту с букета и обошелся ей дороже месячной аренды.

Но Михаил убрал телефон и сказал:

— Мне после вашей статьи начали присылать пустые солонки. На рабочий адрес. Две недели.

Я смотрела на него, не находя ответа. Ни в одном письме читателей, ни в редакционных обсуждениях этого не было. Мы смеялись над комментариями, спорили о заголовке, считали просмотры. Где-то в это же время неизвестные люди покупали дешевые солонки, упаковывали, платили за доставку. Им казалось, они продолжают удачную шутку.

— Я не знала.

— Понимаю.

Я опустила глаза на чай. На поверхности плавала маленькая чайinka; я долго пыталась поймать ее ложкой, хотя можно было просто не допивать. Говорить больше не хотелось.

Глава 3. Счет пополам

Алиса

Счет принесли на маленькой деревянной дощечке. Михаил положил карту, я попросила официантку разделить сумму. Он не стал спорить, и я была благодарна ему за это больше, чем за возможную щедрость. Последнее, чего мне хотелось, — получить в конце вечера еще один долг, пусть даже воображаемый.

В мою часть счета официантка по ошибке включила весь хлеб. Пока она исправляла, я сидела с терминалом в руке и представляла, как со стороны выглядит наш стол: два взрослых человека тщательно рассчитываются за собственное разочарование.

— Оставьте, — сказала я. — Из-за хлеба не надо переделывать.

— Нет, я уже вернула позицию.

Девушка покраснела, запуталась в кнопках. Михаил попросил ее не торопиться. Мне пришлось ждать еще минуту, и за эту минуту я успела услышать в его спокойном голосе то, чего не было за нашим столом: терпение к чужой ошибке.

Я вспомнила солонки. Хотелось объяснить ему, что я никого не подстрекала, что текст вообще не был шуткой, что читатели иногда делают вещи, которые невозможно предугадать. Я уже открыла рот и замолчала. Получалось, что мне прежде всего нужно оправдаться.

Когда официантка ушла, я сказала:

— Я поговорю с редактором о комментариях. Если там остались призывы что-то присылать, их нужно убрать.

— Это было осенью.

— Все равно.

— Алиса, я не подавал жалобу. Просто ответил на ваш вопрос, что было после статьи.

Я поправила сумку на коленях. Он и правда ответил. Жалобу уже успела услышать я.

— Хорошо.

Мы встали. У его стула на полу лежала сложенная бумажная салфетка: он уронил ее, пока вставал. Михаил наклонился, поднял и положил на пустую тарелку. Я тоже наклонилась помочь и чуть не стукнулась об угол стола. Выпрямилась с горящим лицом: даже встать нормально не сумела.

В гардеробе было тесно. Две женщины искали варежку, мужчина в распахнутой куртке с раздражением объяснял по телефону, где припаркован. Гардеробщица принимала одежду у новой пары и попросила подождать. Я стояла рядом с Михаилом так близко, что чувствовала запах его свитера — чистая шерсть и слабый дым от кухни.

— Вы больше ни о чем не хотите спросить? — произнес он.

Я обернулась.

— Например?

— Например, остались ли у меня долги. Как пережили закрытие сотрудники. Быстро ли все нашли работу.

— Зачем вы это делаете?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Что?

— Предлагаете мне пройти по списку последствий.

— Не знаю. Вы жалеете, а я не понимаю, что на это отвечать.

У меня внутри все опустилось. Я действительно несколько раз говорила о сожалении, но сейчас он придал этому такой смысл, которого я не могла принять.

— Не надо мне подсказывать, что еще спросить. Я и так не знаю, как с вами говорить.

— Теперь.

— Вы хотели, чтобы я сначала с вами поужинала, а потом писала? Или чтобы узнала, хороший ли вы сын, платите ли за квартиру, кого любите? Какой объем личных сведений дает мне право сказать, что в вашем ресторане плохо накормили?

Я говорила негромко. Тем хуже: каждая фраза выходила отчетливой, словно подготовленной. Михаил немного отступил, и расстояние между нами внезапно стало холодным.

— Про еду вы имели право сказать сразу, — ответил он. — Мы, кажется, уже выяснили.

Гардеробщица попросила номерки. Я протянула свой, но она махнула рукой на крючки у стены:

— Ваше сейчас вынесут. Девушка моя помогает. Серое, да?

Я кивнула и отвернулась, доставая телефон. Даша прислала: «Ну как?» Мне захотелось написать ей что-нибудь такое же обидное и точное, что я весь вечер придерживала для Михаила. Я заблокировала экран.

— Я не собиралась делать вас посмешищем, — сказала ему.

Он медленно выдохнул.

— Верю.

Это прозвучало так неожиданно, что я растерялась.

— Но?

— Никакого «но». Верю, что не собирались.

Из подсобки вышла молодая девушка с двумя пальто на сгибе руки. Одно протянула мне. В желтом свете я увидела темный воротник, подкладку знакомого оттенка, ухватила сумку и сунула руки в рукава. Пальто оказалось теснее, чем обычно. Я решила, что ткань платья собралась под мышками. Стыдно было копаться в одежде перед Михаилом, будто я собираюсь остаться.

— До свидания, — сказала я.

— До свидания, Алиса.

На улице меня ударило влажным холодом. Я прошла до угла, вызвала такси и только тогда заметила, что на правом рукаве нет привычной потертости от сумки. Пальто было темно-зеленым. Моего серого в темноте гардероба я почти не видела, и все же перепутать их было невозможно. Я стояла у витрины аптеки и смотрела на незнакомые пуговицы.

Телефон зазвонил прежде, чем я успела вернуться.

— Алиса? Это Михаил. Даша дала номер. Вы далеко?

— Возле аптеки. Мне выдали чужое пальто.

— Я понял. Здесь женщина ищет зеленое. Ваше нашли. Подождите, я вынесу.

— Я сама вернусь.

— Хорошо. Тогда жду у входа.

Такси оказалось в двух минутах. Я уже хотела отменить вызов, но на экране возникла фотография водителя, и почему-то именно мысль, что еще один человек зря сюда едет, лишила меня сил.

— Машина подъезжает, — сказала я. — Я сейчас отменю.

— Не надо. Здесь уже разберутся. Встретимся завтра, поменяем. Только проверьте, ничего не осталось в карманах вашего.

Я помнила: проездной и помада. Ключи были в сумке, телефон в руке. Можно было уехать. Никакой катастрофы. Только получалось, что все это еще не закончилось.

— Там карточка для метро и помада. В левом кармане.

— Заберу.

— А хозяйке этого пальто что сказать?

В трубке слышались голоса. Михаил кого-то выслушал, прикрыв телефон рукой.

— Ее подруга сейчас привезет куртку, она согласилась приехать за пальто завтра. Ваше выдали мне, я расписался. Давайте завтра.

— Хорошо. Спасибо.

Я села в такси. Водитель спросил, включить ли потеплее, и я внезапно поняла, как сильно замерзла.

Даша позвонила, когда мы выезжали со двора.

— Ты не отвечаешь. Я начинаю волноваться.

— Ты знаешь фамилию Михаила?

Пауза была короткой, но достаточной.

— Корнеев. А что?

— Ты читала мой текст про «Соль»?

Теперь пауза затянулась.

— Господи. Это ты?

— В смысле?

— Я видела ссылку у кого-то осенью. Не открывала. Он говорил, что аренда задушила. Алиса, я не знала.

Я закрыла глаза. В это легко было поверить: Даша читала мои интервью, иногда культурные заметки и почти никогда ресторанные обзоры. Саму возможность платить за ужин столько денег она считала сомнительным досугом.

— Ладно.

— Ты на меня злишься?

— Пока не знаю. Я в чужом пальто.

— Что?

Я рассказала. На середине Даша коротко хрюкнула и тут же замолчала.

— Прости. Я не над вами.

— Над кем же еще?

Она вздохнула. Я слышала, как в мастерской включился холодильник, как скрипнул стул.

— Я хотела, чтобы ты провела хороший вечер. Он добрый человек. И ты тоже, хотя я сейчас боюсь тебе это говорить.

Мне стало так грустно, что пришлось посмотреть в окно. Вдоль дороги стояли машины, покрытые одинаковым слоем снега. Я поймала себя на том, что опять высматриваю среди прохожих его темный свитер. Зачем — не понимала.

— Я знаю, Даш. Давай завтра.

Дома я повесила зеленое пальто на дальний крючок и долго не включала свет на кухне. Оливки остались в холодильнике. Я села на табуретку, стянула сапоги и увидела на колготках маленькую стрелку. Утром ее не было.

Сообщение пришло в без десяти одиннадцать.

«Карточка и помада на месте. В правом кармане еще чек. Не выбрасывал».

Я написала «Спасибо» и уже собиралась отложить телефон, когда увидела продолжение:

«Не нужно ничего объяснять Даше от моего имени. Она не виновата».

Я смотрела на экран. Он мог попросить ее больше не сводить его с чудовищами, мог рассказать, как я исправила цитату из собственной статьи. Вместо этого думал о том, чтобы подруга не чувствовала себя виноватой.

«Я ей уже сказала. Мы обе не знали», — ответила я.

Михаил прочитал почти сразу. Больше сообщений не было.

Я пошла умываться и долго держала лицо под прохладной водой. Потом вернулась в прихожую, вынула из чужого кармана забытый хозяевами бумажный платок и аккуратно положила на тумбочку. Пальто я застегнула и перевесила подальше от мокрых сапог.

Глава 4. Чужое пальто

Алиса

Утром я открыла статью. Не потому, что забыла содержание: ее можно было читать по памяти, как неприятное письмо, которое перечитываешь всякий раз, пытаясь найти место, где следовало остановиться.

Под заголовком стояла дата — семнадцатое октября. Фотография фасада, подпись редакции, мой аккуратно выстроенный первый абзац. Я писала о заведении, которое обещало домашнее тепло и не сумело принести теплую еду. Сравнение было справедливым. Потом в тексте появился человек, которого я не встречала: тщеславный, глухой, влюбленный в собственный замысел. Этот человек существовал на странице так уверенно, будто я заглянула к нему домой и проверила ящики.

Я выделила мышью два предложения. Удалить их самостоятельно могла за минуту: у меня был доступ к старым публикациям. Именно поэтому я закрыла вкладку и написала Ирине Павловне, редактору.

«Хочу в понедельник обсудить старую рецензию на “Соль”. В комментариях могла остаться травля. Посмотрите, пожалуйста, до встречи».

Ирина ответила через десять минут: «Проверим. Что случилось?»

Я подумала, как это будет звучать: сходила на свидание с героем собственного материала, теперь внезапно обеспокоилась. Написала правду, без подробностей вечера. В ответ получила: «Поняла. Тогда точно обсуждаем вместе. Сама ничего не правь».

Михаил предложил встретиться у мастерской Даши в два. Я спросила, удобно ли ему, и получила фотографию огромной стопки контейнеров с подписью: «Мне сегодня все неудобно. В два есть окно».

Чужое пальто я положила в большой пакет. Под ним нашлась вещь, про которую совсем забыла: шерстяной шарф Павла. Он оставил его осенью и дважды писал, что заедет, но так и не заехал. Я засунула шарф обратно на полку. Я подвинула его к самому краю, чтобы не забыть в следующий раз. Там он и пролежал еще месяц.

В мастерской у Даши я даже не растегнула пальто. Она стояла в пуховой жилетке над ведром с белыми тюльпанами, обрезала стебли и выглядела так, будто лично отвечает за преждевременную весну.

— Я тебе кофе сделаю. Ты злишься еще?

— На кофе нет.

Она поставила секатор и подошла обнять меня. В рабочем фартуке от нее пахло зеленой, водой и чем-то горьким, раздавленным между пальцами.

— Прости. Мне и в голову не пришло сопоставить. Ты для меня Алиса, которая покупает уродливые чашки. Он Миша, который умеет включить все, что перестало работать. Я вас так и представляла.

— Прекрасная пара: одна покупает, другой чинит.

Даша посмотрела на меня с осторожной надеждой.

— Вы хоть поговорили?

— Поговорили. Не делай такое лицо. Внуков не будет.

Она впервые за утро засмеялась. Я тоже. От этого стало легче стоять посреди мокрых ведер с чужим пальто в руках.

Михаил вошел без пяти два. На нем была куртка, в которой можно было носить ящики и не бояться за ткань. В руках — мое пальто, завернутое в прозрачный пакет из химчистки; чистить его никто, конечно, не успевал, он просто нашел пакет.

— Чтобы не испачкать в машине.

Он положил его на свободный край прилавка. Даша исчезла за перегородкой с быстротой человека, заранее продумавшего пути отступления.

— Тут кофе еще греется! — крикнула она оттуда.

— Он не греется, а варится, — ответил Михаил.

— Тогда варится долго!

Мы оба посмотрели на кофемашину, стоявшую в двух шагах. Я не выдержала и улыбнулась. Михаил покачал головой.

— Она нам сейчас свечку принесет.

Я развернула свое пальто. На месте были и потертость, и маленькое рыжее пятнышко на подкладке, которое я обещала вывести с декабря. Михаил протянул помаду, карточку и сложенный чек.

— Я сегодня пойду возвращать второе. У них записан телефон хозяйки.

— Давайте я отнесу. Это моя ошибка.

— Не вы же ее себе выбрали. Я все равно сегодня буду неподалеку.

Он произнес это просто, застегивая пакет с зеленым пальто. Я поняла, что ищу в каждой его фразе продолжение вчерашнего спора, даже там, где его нет.

— Все равно спасибо.

— Пожалуйста.

Пора было расходиться. Даша по-прежнему не выходила, хотя кофемашина уже дважды щелкнула в полной тишине. Михаил взял пакет, я взяла сумку. Мы слишком старательно занимались вещами.

— Я написала редактору про комментарии, — сказала я. — Их посмотрят сегодня.

Он перестал поправлять ручку пакета.

— Спасибо.

— Я не прошу вас обрадоваться.

— А я благодарю. Вы можете просто принять?

Я прикусила язык. Он смотрел прямо, без насмешки, и я наконец кивнула.

Из подсобки донесся треск. Даша выругалась и появилась с надломленным пластиковым ведром.

— Нет, вы только посмотрите. Второе за неделю. Миш, у тебя времени совсем нет?

Он глянул на часы.

— Что надо?

— С верхней полки коробки. Там ленты, я стремянку отдала соседям.

— Я достану, — сказала я.

— У тебя рост метр шестьдесят семь, а полка под потолком.

— Я тебя не просила объявлять параметры.

Михаил снял куртку, повесил на спинку стула и пошел за Дашей. За пять минут они вынесли коробки, передвинули ведра и нашли протечку в шланге холодильной установки. Я держала фонарик телефона, присев рядом с Михаилом на корточки. Он говорил Даше, что понадобится мастер, что сам только подтянет крепление и этого ненадолго хватит.

— То есть вы не можете починить? — уточнила я, когда он выпрямился.

Он посмотрел на меня снизу вверх: я уже встала, а он остался сидеть на низком ящике.

— При Даше такое лучше не произносить. Она думает, я умею все.

Даша фыркнула. Я улыбнулась ему, не отводя глаз, и впервые он выдержал эту улыбку без настороженности.

Потом ему позвонили с площадки. Нужны были дополнительные приборы: организаторы не учли часть гостей. Михаил задавал короткие вопросы, записывал на обрывке картона. По тому, как у него напряглась челюсть, я поняла, что эти приборы не были предусмотрены ни временем, ни оплатой.

— Я могу заехать в прокат, — предложила Даша.

— У тебя курьер через двадцать минут. Я сам.

Он снова надел куртку. Пакет с чужим пальто остался на полу, и я указала на него.

— Давайте я все-таки верну. Мне по дороге.

На этот раз он не отказался.

— Спасибо. Мне сейчас правда поможет.

Я взяла пакет. Он успел написать администратору «Трех окон», что приду я, и скинул мне имя. Я сунула пакет под мышку, чтобы у него освободились руки для телефона. Он уже вызывал прокат и объяснял, какие нужны приборы.

Когда он ушел, Даша поставила передо мной чашку.

— Ну?

— Что «ну»?

— Ничего.

Она явно хотела спросить больше и, к своей чести, не спросила. Я выпила остывший кофе и надела наконец собственное пальто. В нем было привычно свободно. Даша поправила мне воротник.

— Ты хоть ела утром?

— Ела.

— Что?

— Даш.

— Ладно.

В «Трех окнах» администратор извинилась трижды и предложила бесплатный десерт в качестве компенсации. Я отказалась, потому что не хотела оставаться. Зеленое пальто унесли в гардероб, моя роль закончилась. Я вышла во двор и увидела на экране сообщение от Михаила: «Забрали?»

«Да. Все хорошо».

Потом зачем-то добавила: «Удачи сегодня».

Он прочитал не сразу. Я дошла до остановки, дождалась автобуса, села у окна. Ответ пришел, когда мы уже тронулись.

«Спасибо. Вам тоже».

Два вежливых слова. Я перечитала их дважды и рассердилась на себя. Я убрала телефон в сумку, но на следующей остановке снова достала. Новых сообщений не было.

В понедельник Ирина Павловна сняла из старой ветки одиннадцать комментариев с личными оскорблениями и призывами отправлять «подарки» в ресторан. Адрес был публичным, сам по себе он ничего не нарушал. Стоило прочесть, зачем его повторяли, и смысл менялся.

— Нам тогда присылали жалобу? — спросила я.

Редактор проверила рабочую почту. Не присылали. Значит, мы могли ничего не знать и пользоваться этим незнанием сколько угодно.

— Я видела часть комментариев осенью, — сказала я. — Те, где смеялись. Мне казалось, это реакция на текст.

— Это и была реакция на текст.

— Ты понимаешь, о чем я.

— Понимаю. Ты хочешь, чтобы я сказала, что отвечать за всех невозможно. Это правда. Только мы отвечаем за собственную площадку. Там можно было остановить раньше.

Ирина говорила без назидания, отмечая удаленные комментарии в таблице. Точно так же мы сверяли ошибки в подписях к фотографиям. Мне стало неловко: я ожидала большого нравственного разговора, а часть работы заключалась в обычных действиях, на которые осенью не хватило внимания.

За перегородкой звонил телефон. Наш администратор спорил с человеком, который не мог найти вход в редакцию. Я прислушивалась, радуясь коротким паузам в собственном стыде.

— Что делать с фразой про владельца? — спросила я.

Ирина прочла абзац вслух. Без интонации, которой я мысленно сопровождала его при написании, он оказался просто грубым.

— Я бы попросила тебя переписать, если бы увидела сегодня, — сказала она. — Осенью пропустила. Это моя работа тоже. Давай разберем текст отдельно и решим, как обозначить изменение. Не правь сейчас сгоряча, после одной встречи.

— Он не просил.

— Тем более. Решение должно быть твоим, а не способом понравиться живому человеку после неудачного знакомства.

Я подняла глаза. Ирина чуть улыбнулась: не насмешливо, скорее давая понять, что прекрасно помнит, как легко новые обстоятельства выглядят окончательной истиной.

— Я не пытаюсь ему понравиться.

— Пока мы говорим о тексте, Алиса.

Мне стало жарко. Я закрыла блокнот, потом открыла: уходить в обиду было бы слишком удобно.

Мы договорились вернуться к разбору после текущего номера. Позже я сама попросила отложить: не понимала, где заканчивается профессиональная мысль и начинается желание исправить личное впечатление. Тема осталась в редакционном списке. Сначала мы перенесли ее на неделю, потом еще на одну; каждый раз я охотно находила более срочное дело.

Перед выходом Ирина предложила мне написать заметку о том, как авторы отвечают за реакцию аудитории, но я отказалась.

— Не хочу пока об этом писать, — сказала я. — Получится, что я уже во всем разобралась.

Редактор посмотрела внимательно и закрыла ноутбук.

— Ладно. Тогда возвращаемся к номеру.

Я взяла со стола свою чашку. А вечером впервые открыла переписку с Михаилом без необходимости что-либо вернуть.

Глава 5. Еда в картонной коробке

Алиса

Во вторник Даша попросила забрать у Михаила складную тележку. Он одолжил ее на выходные и собирался вернуть сам, но к вечеру у него поменялась площадка. Я как раз ехала с интервью неподалеку от кондитерского цеха, где он арендовал кухню по часам.

Я могла отказаться. У меня болела голова после трех часов разговора с человеком, называвшим каждый второй свой проект важным высказыванием. В сумке лежал диктофон, который предстояло расшифровать. Но Даша попросила без нажима, почти буднично, и я ответила, что заеду.

Михаил прислал адрес служебного входа. В сообщении отдельно уточнил: «Не через магазин. Слева железная дверь, кнопка без надписи». Я нажала кнопку, проверила адрес в переписке и нажала еще раз.

Он открыл не сразу. На нем были рабочие брюки и белая футболка с влажным темным пятном у ворота. Волосы еще мокрые — наверное, умывался. В руке полотенце.

— Вы рано. Я думал, после восьми.

— Уже двадцать минут девятого.

Он посмотрел на часы и коротко выругался себе под нос.

— Проходите. Тележка в машине, сейчас вынесу. Здесь холодно.

Я вошла в узкий коридор. На крючках висела одежда, под ногами стояли ящики, из-за другой двери тянуло теплым сладким запахом. В цехе еще работали: кто-то раскатывал тесто, радио негромко сообщало о пробках.

Михаил открыл кладовку и начал искать ключи. Проверил куртку, фартук на двери, подоконник. Я молча ждала, стараясь не следить за ним слишком пристально. Тело у него двигалось медленнее, чем в субботу. Пальцы не сразу попадали в карман.

— На столе, — сказала я, заметив кольцо с ключом под бумажным стаканом.

— Точно.

Он взял их, но вместо двери вдруг сел на ящик. Только на секунду, как человек, который сейчас же встанет. Потом оперся локтями на колени и потер ладонями лицо.

— Вы нормально себя чувствуете?

— Да. Просто с шести здесь.

— Утра?

Он отвел ладони и посмотрел слабо насмешливо.

— Вы же считать умеете.

Я прислонила сумку к стене.

— Может, вы сначала поедите?

— Может быть. Вам далеко ехать?

— Не особенно.

— Тогда минут пять. Извините.

Он поднялся, налил себе воды из кулера, достал из холодильника две картонные коробки. Положил их на стол в маленькой комнате, где, судя по разнокалиберным кружкам, сотрудники отдыхали. В одной коробке была чечевица с запеченной морковью, в другой — кусок курицы. Он открыл ящик с приборами и посмотрел на меня.

— Вы это едите?

— Чечевицу? Да.

— Разогрею. Там на две порции.

— Не надо меня кормить. Я могу подождать.

— Я уже разогреваю. Если не хотите, не ешьте.

Он уже доставал тарелки. Я помедлила, потом расстегнула пальто. Я сняла пальто и села на край стула. В комнате было жарко; у окна на блюде лежала засохшая половина лимона. За дверью кто-то смеялся, потом резко выключили воду.

— Что у вас было? — спросила я.

— Деловой обед. Потом внезапный второй обед, потому что гостям перенесли рейс. Организатор решила, что раз кухня все равно есть, то мы можем.

— А вы могли?

— За дополнительные деньги — да. Только выяснилось это не сразу.

Он переложил разогретую еду в обычную толстую тарелку и поставил передо мной. Себе взял другую, с отбитым краем. Я положила ложку чечевицы в рот и почувствовала дымный сладковатый вкус, немного лимона, горячее масло. Морковь была мягкой внутри и почти хрустела по краям.

Михаил ел, глядя в свою тарелку. Не спрашивал, нравится ли. Не рассказывал, сколько часов вымачивал крупу и где купил специи. Отсутствие объяснения почему-то оказалось самым неожиданным.

— Я сегодня говорила с одним художником, — сказала я. — Он построил из старых дверей лабиринт. Говорит, о человеческом одиночестве.

— Удобно. Если двери не помещаются на свалку, можно сделать выставку.

Я подавилась смехом. Он поднял голову и впервые заметил, что я ем с настоящим аппетитом. Взгляд задержался на моей тарелке. Я почувствовала это почти физически.

— Не говорите ничего, — попросил он.

— Что?

— Про еду. Просто ешьте.

Мне следовало бы возразить, что обычное «вкусно» не причиняет человеку профессионального ущерба. Вместо этого я кивнула. Он снова опустил глаза, и мы принялись есть почти синхронно, как люди, которым наконец разрешили отдохнуть.

Через несколько минут дверь открыла девушка в колпаке, с узкими следами муки на щеках.

— Миш, подписал часы? Нам закрывать кассу.

Он достал из кармана желтый блокнот, сверился и пошел за ней. Я осталась одна. На его месте возле тарелки лежал телефон с треснувшим защитным стеклом. На экране зажглось сообщение от Николая Петровича: «Хлеб не бери. Есть». Я отвела взгляд, потому что нечаянно прочитанное вдруг показалось гораздо интимнее рабочей переписки.

Михаил вернулся раздраженным, сел, потом снова встал.

— Вам кофе?

— Нет, спасибо.

Он начал полоскать свою кружку, хотя в ней ничего не было. Он тер кружку, глядя в раковину. Я уже знала, как выглядит его злость, но сейчас он был просто измотан. Мне хотелось, чтобы сел и доел.

Он все-таки сел, поставив перед собой пустую кружку. Я спросила, можно ли мне достать воду. Показал на холодильник, потом спохватился, что я имела в виду обычную, из кулера. Мы оба усмехнулись: даже в простейших вопросах не сразу находили общий язык.

— Они неправильно посчитали? — спросила я, кивая на дверь.

— Посчитали по договору. Я раньше занял холодильник, чем начал готовить. Это отдельный час.

— А вы не знали?

Он покачал головой.

— Знал. Надеялся, что не возьмут. Хозяйка обычно идет навстречу, а сегодня считает администратор. Он не обязан помнить, какой я хороший.

Я улыбнулась. Михаил ответил не сразу, будто проверял, не сочла ли я его жадным. Потом сам чуть улыбнулся и отпил воды.

— У меня сейчас все деньги с именами, — сказал он. — Эти Олегу, эти за машину, эти за кухню. Лишний час приходится у кого-то отнимать.

Я не знала, что ответить. Сказать, что у всех трудно, было бы грубо. Предложить заплатить за его ужин невозможно: мы ели остатки работы, за которую он рассчитывал получить деньги. Я просто сидела рядом.

Из цеха заглянул молодой парень, спросил, не осталось ли у Михаила одноразовых перчаток. Тот показал на полку. Парень взял пачку, заметил меня, поздоровался и сразу начал рассказывать про новую кофейню у метро. Оказалось, он читал мои тексты и был уверен, что знает, куда мне нужно сходить.

Михаил посмотрел на него с таким выражением, что я почти засмеялась. Парень не заметил. Десять минут объяснял, что пирожные там странные, но очень фотографичные. Потом его позвали, он ушел, оставив нам адрес, записанный на обратной стороне накладной.

— Извините, — сказал Михаил. — Он хороший. Только начинает говорить и не может найти конец.

— Нормально. Меня хотя бы не попросили бесплатно отрецензировать семейное торжество.

— А могли?

Я рассказала про день рождения знакомого, где все ждали, когда я оценю салат. Михаил сперва смеялся, потом перестал.

— Вы поэтому не любите, когда вас спрашивают, вкусно ли?

— Я люблю. Если ответ может быть обычным, а не экзаменом. Иногда мне просто хочется есть и не знать, что потом придется формулировать.

Он посмотрел на мою тарелку, на почти доеденную чечевицу. Он усмехнулся и посмотрел на свой фартук, брошенный на соседний стул. Объяснять дальше я не стала.

— Тогда можете ничего не говорить, — сказал он. — Вообще.

У меня неожиданно расслабились плечи. Я посмотрела на оставшуюся коробку.

— Есть можно? — спросила я.

Он обернулся.

— Что?

— Добавку. Или это на завтра?

Впервые с момента возвращения его лицо разгладилось.

— Можно. Конечно.

Он положил мне еще, себе не добавил. Я подвинула тарелку и спросила, почему. Михаил пожал плечами: наелся. Тогда я сказала, что не съем столько. Он не стал продолжать, просто взял несколько ложек обратно. Это было смешно и неловко, но уже совсем иначе, чем в пятницу.

Когда мы закончили, я встала мыть посуду. Он остановил меня не сразу — сначала понаблюдал, как я ищу губку.

— Здесь машина.

— И где она?

— В цехе. Оставьте в раковине, я отнесу.

Я поставила тарелки, вытерла стол. Он молча собрал коробки, сложил полотенце и выключил свет. Пока я надевала пальто, Михаил неожиданно произнес:

— Отца увезли в больницу в тот вечер. Когда вы были в «Соли».

Я застыла, попав одной рукой в рукав.

— Он сейчас...

— Дома. Восстанавливается. Я не оправдываюсь. Просто подумал: вы все равно об этом спрашивать не станете.

— Мне показалось, вы не хотите рассказывать.

Он кивнул, будто получил точный ответ на давно занимавший его вопрос.

— Вызвала соседка. Я потом до утра сидел в коридоре. Телефон разрядился. В ресторане решили, что лучше меня не трогать. Там и до этого было плохо, но в тот вечер совсем развалилось.

— Мне жаль вашего отца.

— Спасибо.

Я так и стояла с одной рукой в рукаве. Михаил подержал пальто, пока я попала во второй. Больше мы об отце в тот вечер не говорили.

На улице он вынул из машины сложенную тележку и помог закрепить ее в багажнике моего такси. Пакет с морковью и чечевицей протянул уже у двери.

— Там немного. Завтра можно холодным.

— Я думала, это ваше.

— Осталось от мероприятия. Заберите, а то забуду.

Я взяла пакет. Он закрыл дверцу, наклонился к окну.

— Только не работайте во время еды. А то вкус пропустите.

Я могла бы ответить колкостью про профессиональную деформацию. Вместо этого сказала:

— Спасибо за ужин, Михаил.

Он выпрямился. Снег попадал ему на волосы, и он не замечал. Когда машина выехала со двора, я все еще видела его в боковом зеркале: стоял рядом со своим старым универсалом и искал что-то в кармане.

Даша встретила меня у подъезда мастерской. Забрала тележку, посмотрела на бумажный пакет.

— Что там?

— Еда.

— О, он тебя покормил.

В ее голосе было слишком много знания. Я спрятала пакет подальше от ее рук.

— Даша, пожалуйста.

— Я молчу. Правда. Просто он не всех кормит.

— У него такая работа.

— Работа у него за деньги.

Я не стала отвечать. Впервые за долгое время у меня в сумке была еда на завтра, приготовленная другим человеком просто потому, что я оказалась рядом и хотела есть. Даша потянулась заглянуть в пакет. Я отняла его, и она, улыбаясь, подняла обе руки.

Глава 6. Последний свет

Михаил

Когда «Соль» закрылась, я забыл забрать из кладовки отцовскую дрель.

Она стояла на нижней полке в коробке от бокалов. Я сам ее туда поставил еще в августе, когда в зале разболталась дверца шкафа. Отец всегда спрашивал про инструмент, даже из больницы, даже когда ему было трудно выговорить целое предложение. Дрель я вспомнил через неделю после того, как отдал ключи. Пришлось звонить управляющему зданием и просить впустить.

В помещении уже пахло краской. Новые арендаторы собирались открыть магазин светильников. Человек в пуховике стоял посреди зала и мерил потолок лазерной рулеткой. Красная точка ползла по месту, где раньше висели мои лампы, привезенные из закрывшейся гостиницы. Я три вечера чистил латунь, пока Олег ругался, что для кухни я ничего с такой любовью не покупаю.

Олег оказался прав задолго до того, как я сумел это признать.

— Что ищете? — спросил человек с рулеткой.

— Инструмент. В кладовке оставил.

Он кивнул в сторону коридора, уже не принадлежащего мне. Я взял коробку, проверил кабель и неожиданно увидел под ней выцветшую бумажку: список заготовок к открытию. Лук, кости на бульон, груши, салфетки. Рядом моей рукой было написано: «Позвонить папе. Пригласить пораньше».

Я не взял этот лист. Тогда казалось, если забрать еще и его, окончательно превращусь в человека, который носит в карманах мусор из собственной неудачи.

Теперь, возвращаясь из цеха после встречи с Алисой, я почему-то вспоминал именно бумажку. Отцовская дрель давно лежала дома. Лампы продали почти даром. Долг перед бывшими сотрудниками уменьшался медленнее, чем хотелось. А список, наверное, выбросил незнакомый рабочий, даже не прочитав.

Отец смотрел телевизор без звука. Услышав ключ, потянулся к пульту и промахнулся. Я сделал вид, что не заметил, как делал уже сотни раз; ему от этого не становилось легче, но у меня пока не получалось придумать что-то лучше.

— Ел? — спросил он.

— Ел.

— Что?

— Чечевицу.

Отец неодобрительно поджал губы. Он с детства подозревал в любой крупе, кроме гречки, желание сэкономить на его здоровье.

Я снял куртку, принес ему воду. На кухне стоял купленный соседкой хлеб, аккуратно завернутый в пакет. Соседка Людмила жила через стену и могла позвонить мне на работу, чтобы сообщить, что отец слишком долго держит окно открытым. В октябре именно она вызвала скорую. После этого я был готов выслушивать про окна до конца жизни.

— В четверг занят? — спросил отец, когда я сел.

— Во сколько?

— Сам. Сначала скажи.

— До трех нет.

— В поликлинику записали.

Он назвал время, запнулся на фамилии врача, раздраженно махнул рукой. Я достал телефон и записал. Отцу было шестьдесят восемь. Он всю жизнь сам чинил машины, разбирался с документами, носил тяжелые сумки. Теперь следил за моими пальцами на экране и хмурился: я опять записывал то, что он намеревался запомнить сам.

— Я не забуду, — сказал он.

— Знаю. Это чтобы я не забыл.

Мы помолчали. По телевизору мужчина в костюме беззвучно объяснял что-то женщине с блокнотом. Я подумал об Алисе — как она держала ложку, как спросила про добавку. Мне понравилось, что она спросила. Не сделала вид, будто ей достаточно, чтобы я не начал суетиться. И понравилось, как промолчала после моего рассказа об отце. Без слов о судьбе и о том, что все обязательно образуется.

В пятницу я ждал от нее именно этих слов и заранее злился.

Я узнал ее сразу. Летнее фото на сайте редакции: ветер поднимал волосы, она смеялась, глядя мимо камеры. Я тогда долго смотрел на снимок, пытаюсь понять, как человек с таким обычным, вполне добрым лицом написал обо мне, будто я пустое помещение с завышенной арендой. После закрытия я удалил закладку. Лицо осталось в памяти.

За столом она была бледнее, серьезнее. Постоянно поправляла сумку на коленях. Я видел, что ей не по себе, и часть меня получала от этого удовольствие. Стыдное, мелкое. Мне хотелось, чтобы хотя бы два часа она не могла думать о себе как о безупречно справедливом человеке.

Про долги я заговорил первым. Она только напряглась, и я зачем-то продолжил.

Последнюю смену в «Соли» я помнил хуже, чем вечер в больнице. Наверное, потому, что там не было одной большой страшной новости. Все состояло из маленьких действий, которые я все еще мог выполнять и поэтому выполнял.

Марина раскладывала чистые приборы, хотя мы уже не собирались принимать гостей. Я сказал: не надо. Она посмотрела на меня и продолжила. Потом поняла, что делает, села прямо на подоконник и заплакала. Не громко, без желания, чтобы подошли. Я стоял в проходе и не знал, имею ли право утешать человека, которому должен денег.

Олег унес на кухню последнюю коробку сливок. Предложил приготовить общий обед. Я отказался, сказал, что не голоден. Он ответил, что спрашивал не только меня. Это была первая фраза за день, после которой я действительно замолчал.

Мы ели пасту за двумя сдвинутыми столами. Валентина сняла рабочую косынку, Тимур переложил телефон экраном вниз. Лена раздала каждому лист с расчетом задолженности. Люди читали, задавали вопросы. Я отвечал слишком подробно, объяснял, какие деньги должны прийти от продажи оборудования. Слова «должны прийти» тогда казались приемлемыми. Только позже я понял, как часто говорил их вместо определенного срока.

— А если не купят? — спросил Тимур.

Я начал рассказывать о заинтересованном покупателе. Лена остановила:

— Тогда будет другой срок. Мы сообщим. Сейчас давайте зафиксируем то, что есть.

Она спасла меня от еще одного обещания. Я тогда рассердился, что выставляет мою неуверенность перед всеми.

После еды кто-то предложил сфотографироваться. Мы встали возле стойки. На снимке я выглядел самым высоким и самым нелепым: пытался держаться прямо, как на открытии, когда отец похлопал меня по плечу и сказал, что гордится. Марина улыбалась с опухшими глазами, Тимур смотрел в сторону. У Валентины на фартуке осталось пятно соуса, и она прикрыла его рукой.

Я потом не опубликовал фотографию. Отправил всем в чат и сохранил себе. Иногда открывал и сразу закрывал: слишком хорошо помнил, о чем мы говорили за минуту до снимка. Статью Алисы перечитывать было легче. На нее хотя бы можно было злиться.

Отец в тот вечер ждал звонка. Спросил, закрыли ли. Я сказал: закрыли. Он предложил приехать за мной, забыв на секунду, что сам не может сесть за руль. Потом вспомнил, замолчал. Мы оба сделали вид, будто я не услышал предложения.

Отец поднял свой стакан двумя руками, допил воду и посмотрел на телефон у меня на коленях.

— Женщина? — спросил отец.

Я поднял голову.

— Что?

— Сидишь. Смотришь. В телефон.

Я взглянул на экран. И правда открыл переписку, сам не заметив когда.

— Знакомая.

— Хорошая?

— Не знаю пока.

Отец принял ответ с уважением. После больницы он быстро уставал от разговоров. Впрочем, расспрашивать о женщинах и раньше не любил. Он только придвинул ко мне вазочку с сушками, как всегда делал, если хотел, чтобы я посидел подольше.

Я взял одну. Она была твердая и совсем безвкусная. Отец довольно кивнул.

Ночью сон не шел. В квартире стучала труба, за стеной у Людмилы работала стиральная машина. Я лежал и перебирал в голове счета. Остаток долга Олегу. Платеж по оборудованию, которого у меня уже нет. Аренда цеха на субботу. Сон не шел. Я заново складывал суммы, хотя прекрасно знал итог.

На рецензию удобно было злиться. В ней были готовые слова, ссылка, автор. У арендной ставки не было лица, хотя договор подписывал я. У моего желания сохранить прежнее меню при подорожавших продуктах тоже не было имени. Сказать сотрудникам «меня доби́ли журналисты» оказалось легче, чем «я слишком долго делал вид, что все идет нормально».

Лена, бывшая управляющая, говорила мне это еще летом. Она приносила таблицы, я открывал при ней, кивал, а вечером менял блюдо в меню, будто удачное сочетание вкусов могло исправить кассовый разрыв. Олег просил убрать половину позиций. Я отказался: боялся, что без большого меню «Соль» перестанет быть местом, которое я придумал.

Когда отец упал на кухне, я собирал заказ для столика на восемь человек. Людмила сказала по телефону только: «Миша, приезжай». Я оставил нож на доске, крикнул Олегу, что меня не будет до вечера, и уехал. Олег справился бы лучше, если бы я позволял ему справляться до этого. Но вся работа была завязана на меня, от закупок до того, как подавать хлеб.

В больнице я час не мог найти нужное отделение. Потом врач говорил, а я смотрел на его маску, опущенную под подбородок, и понимал отдельные слова. Мне все время казалось, что надо вернуться и забрать нож с доски: он дорогой, с тонким лезвием, кто-нибудь сунет его в общую мойку. Я ненавидел себя за эту мысль. Отец в реанимации, а я про нож. Потом снова слушал врача и снова вспоминал доску с оставленным на ней лезвием.

Алиса всего этого не знала. Посетитель и не обязан знать, что у повара случилось дома. Она могла справедливо уйти недовольной и написать об этом. Даже сейчас, лежа без сна, я знал это так же хорошо, как таблицу умножения.

Другое дело, что в статье из чужой неудачи получился характер. Она описала человека, который не заслуживал сочувствия. И люди поверили, потому что было хорошо написано.

Я встал, налил воды. В кухонном окне отражался стол, отцовская сахарница, я в старой футболке. Мне сорок. Я живу с отцом, работаю на чужих кухнях и думаю о женщине, которую намеревался ненавидеть еще хотя бы год.

Она ела с удовольствием. Без этих привычных жестов человека на дегустации: замереть с вилок, уточнить состав, сделать запись. Просто ела, придерживая волосы у щеки. В какой-

то момент у нее на губе осталась капля соуса, и я хотел сказать, но она убрала ее сама. Потом посмотрела на меня и попросила еще.

Я открыл переписку. Написал: «Если будете есть завтра, добавьте ложку воды перед разогревом». Перечитал и не отправил. Я уже сказал, что можно холодным. Еще одно указание делало из остатков еды событие, которым они не были.

Телефон погас. Я посидел немного, потом все-таки написал другое:

«Хорошо доехали?»

Ответ пришел через минуту.

«Да. Только собиралась спросить то же самое».

Я перечитал ответ. Потом набрал, что добрался, стер и написал заново. Она ждала моего сообщения, а я слишком давно ни с кем так не переписывался.

«Да. Спокойной ночи, Алиса».

Она ответила пожеланием спокойной ночи. Я положил телефон на стол и наконец пошел спать.

Глава 7. Никаких отзывов

Алиса

Я написала ему в четверг из хозяйственного магазина. Стояла перед полкой с дуршлагами, которую зачем-то сфотографировала, хотя никакого дуршлага покупать не собиралась.

«Вы знаете, где можно купить нормальную сковородку? Без обещания изменить мою жизнь».

Вопрос был достаточно разумным, чтобы его отправить, и достаточно нелепым, чтобы я сразу захотела стереть. Михаил ответил голосовым. Я прослушала его у ряда с корзинами для белья, прижав телефон к уху.

— Зависит от того, что вы на ней готовите. И от плиты. Пришлите фотографию плиты, не сковородки.

За его голосом стучало что-то металлическое. Он говорил почти весело. Я переслушала сообщение, прежде чем ответить, и почувствовала себя семнадцатилетней. В семнадцать хотя бы можно было надеяться, что подобное пройдет к тридцати шести.

Вечером я прислала плиту. Он уточнил размер конфорки, потом спросил, что не так с нынешней сковородкой. Я призналась, что ручка держится на одном винте.

«То есть нужна отвертка», — написал он.

«Я хотела красивую новую вещь. Вы слишком практичны».

«Красивая новая вещь тоже однажды захочет отвертку».

Мы переписывались двадцать минут. Начали со сковородки, закончили тем, что он в детстве ненавидел манную кашу, а я до сих пор не умела резать хлеб ровно. Время от времени он исчезал. Я тоже откладывала телефон, писала абзац о музее, возвращалась проверить. За окном отражалась моя кухня с единственной горящей лампой над столом. Она больше не казалась пустой.

В субботу Михаил прислал фотографию маленькой отвертки на своей ладони.

«Могу заехать завтра. Есть подозрение, что ваш прибор удастся спасти».

Я прочитала это стоя у кассы аптеки и чуть не назвала фармацевту его имя вместо названия лекарства.

Он предлагал приехать ко мне. Я представила его на своей кухне и тут же предложила встретиться в городе. Михаил ответил не сразу.

«Я не напрашивался. Правда».

Я закрыла глаза. Вот что получалось, когда пытаешься прикрыть смущение благоразумием: человек слышал отказ, которого не было.

«Я знаю. Мне хочется куда-нибудь с вами выйти. Если вам тоже».

Он позвонил через две минуты.

— Хочется, — сказал вместо приветствия.

Я села на скамейку у аптеки. Морозный воздух щипал нос, но мне стало жарко.

— Хорошо.

— Завтра в пять? Могу раньше, могу позже. Без отвертки.

— В пять подходит.

— Вы любите ходить пешком?

— До определенного момента.

Он коротко засмеялся.

— Договоримся об эвакуации.

В воскресенье я пришла на десять минут раньше. У входа в старую оранжерею толпились дети, кто-то пытался надеть малышу варежку. Я посмотрела на свое отражение в стекле: серое пальто, шарф, привычные серьги. Никакой особой женщины для этого вечера я не успела придумать. Вероятно, это было к лучшему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.